

Издательство и одновременно книжный магазин «ИМКА-пресс», расположенный в самом сердце Латинского квартала, многие десятилетия является тем магнитом, который притягивает к себе русского человека, оказавшегося во французской столице. Издательство существует с 20-х годов. С конца 50-х его возглавляет Никита Алексеевич Струве, фигура в парижской русской эмиграции более чем заметная. Профессор русской литературы, публицист, редактор журнала «Вестник русского христианского движения» принял самое активное участие в выпуске на Западе солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». О великом писателе А.И. Солженицыне — наша беседа с Никитой Алексеевичем.

— Когда состоялось ваше знакомство с Солженицыным?

— В 1970 году я получил письмо от Александра Исаевича, в котором содержалась просьба издать первый том «Августа 14-го» в том случае, если «Новый мир» или другие журналы от него откажутся, что, собственно, и произошло. И мы выпустили впервые на русском языке эту книгу. Письмо же пришло, конечно, по «левой почте»...

— А что это такое?

— Неофициальные, то есть тайные каналы. В основном через сотрудников французского посольства, с которыми я был знаком. Конечно, тогда их начальство об этом не знало. Теперь оно узнало и, надо думать, гордится такой ролью...

Раньше мы издавали книги Александра Исаевича, но они выпускались и другими издательствами. «Раковый корпус», «В круге первом» выходили в СССР в «самиздате», а потом оказывались в «тамиздате», но личного авторского обращения не было. Так началось наше сотрудничество. Оно приняло, я бы сказал, исторический характер, когда Солженицын попросил нас в полнейшей тайне и быстро, за полтора-два месяца, издать «Архипелаг ГУЛАГ». В середине октября 1973 года мы стали выполнять просьбу писателя и закончили 28 декабря. Это было подобно взрыву бомбы. Шок на весь мир.

— Почему выбор пал именно на ваше издательство?

— Существовало две возможности. Либо «Посев» в Германии, либо мы. В Европе других русских издательств такого плана не было. Но «Посев» более политически ориентирован, а «ИМКА-пресс» всегда отличалась религиозно-философской, литературной направленностью. Кроме того, я издавал «Вестник русского христианского движения», в котором часто сам публиковался. «Вестник» проникал в Россию, и Александр Исаевич был знаком с моими статьями, вообще с направлением журнала.

— Когда вы увидели Солженицына впервые?

— После публикации «Архипелага» я был почти уверен, что все это кончится его высылкой за границу. Так и произошло. Мы повстречались с Александром Исаевичем в Цюрихе 13 февраля 1974 года, то есть на третий день его приезда на Запад. Тогда я провел несколько дней вместе с Александром Исаевичем.

После триумфальной встречи на вокзале он уединился вместе со мной в гостинице, прилег немножко отдохнуть и сказал: «Я вижу день моего возвращения в Россию». И прибавил: «Я вижу, что и вы будете в России». Мне показалось тогда это весьма странным. Но эта уверенность не покидала его все 25 лет, проведенных в изгнании. У нас установилось весьма тесное сотрудничество.

Я неоднократно навещал его. Мы издавали второй и третий тома «Архипелага», «Письмо к вождям», которое было переправлено еще раньше. В декабре 1974 года он приезжал во Францию, жил у меня

— О дисциплинированности и работоспособности Солженицына ходят легенды...

— Его отличает, я бы сказал, аскетическая строгость. Вообще Александр Исаевич живет аскетически, подвижнически. Бюджет времени у него необычайно четко распределен и на светскость не оставлено ни минуты. Иногда, но редко он позволял себе краткий отды.

— А как это выглядело?

— Когда он жил у меня под Парижем, то выходил в сад, дышал, созерцал — восстанавливал силы. Александр Исаевич рано вставал и рано ложился. Всегда заготавливал рабочий материал на утро. Иногда в Вермонте за обедом читал только что написанные главы из «Красного колеса». Читает же он превосходно.

— Вам довелось часто общаться с Солженицыным. Его называют пророком, избранником. Какое место в жизни России,

правда, ценой изгнания на 25 лет. Возвращение на Родину. Такой богатой судьбы еще не было ни у кого из писателей. Солженицын — явление совершенно исключительное, судьба, созданная, как он сам говорит, «собственными руками». Человек, который сумел все одолеть, соединить и выразить в писательстве. Необычайная воля, которая явно питается духом. И в этом смысле он, я бы сказал, явление характерно русское. Такого на Западе быть, пожалуй, и не могло.

— У писателя был непростой путь и на Западе, где к нему относились неоднозначно, хотя казалось бы...

— Это верно. Но во Франции это чувствовалось меньше. Поскольку он способствовал разрушению мифа, который владел умами, конечно, те, кто в этот миф поверил и отчасти продолжал в него верить, не хотели до конца разувериться. Помню, газета «Монд» сообщила,

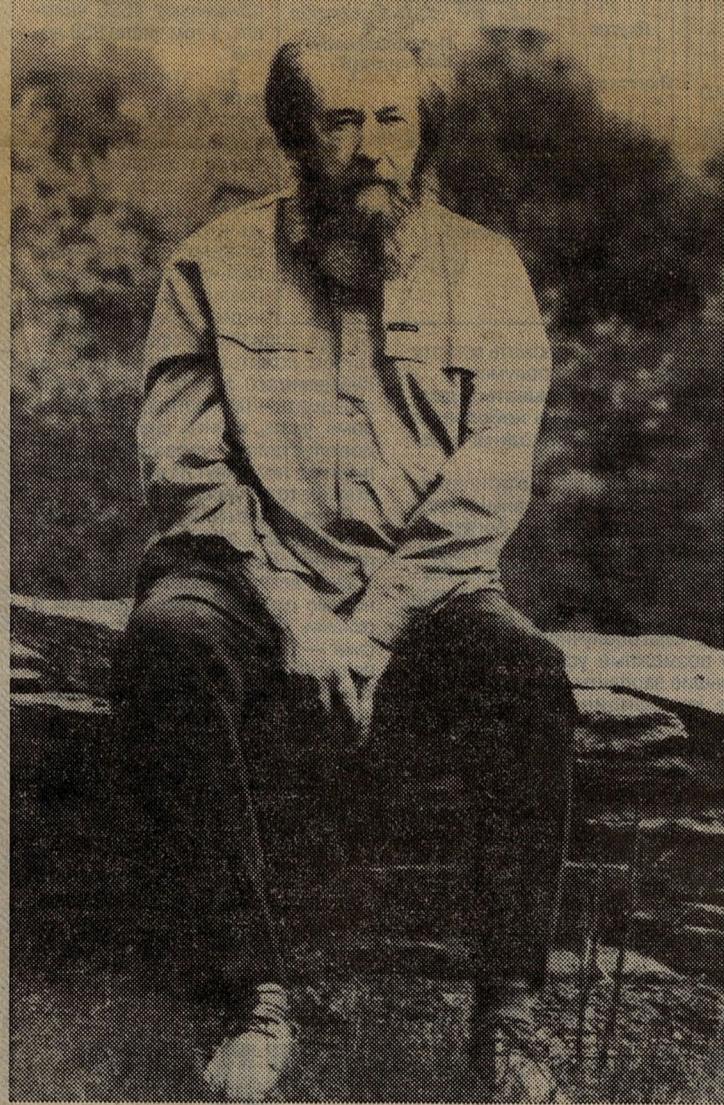
туре. Но тем не менее здесь — вся история России. Это эпопея-поэма, хотя оснащенная так с исторической точки зрения, что поймать автора на какой-нибудь неточности невозможно. Ловили — не получалось.

Так что, с одной стороны, Солженицына упрекали, что он слишком классичен, с другой — что он «насилует» русский язык. Может быть, что-то в этом есть, но все это показывает динамическое отношение к слову, новизну. Его первые романы дают новое слово, но не дают новой формы. Вот «Архипелаг ГУЛАГ» — это уже новая литературная форма, которой раньше не было. Да и «Красное колесо» — эпопея, которую не с чем сравнить в русской литературе.

Так что он писатель обновляющийся. Не повторяет самого себя. Даже сейчас, когда закончил труд, завещанный от Бога, продолжает писать, пытаясь найти новую форму. «Двойчатки» — два рассказа, которые как бы смотрятся один в другой. Типа диптиха. После огромнейшего «Красного колеса», немного подавляющего, он любит записать «крохотки», стихотворе-

ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЕ И ХАРАКТЕРНО РУССКОЕ

СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДРУ ИСАЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫНУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ

дома под Парижем. Мы вместе путешествовали по стране, которую он полюбил. Правда, задержать его во Франции мне не удалось, хотя я приложил к этому усилия. К тому же, если бы он остался здесь, то был бы в досягаемости любого журналиста. В Вермонте он жил практически в лесах и добраться до него было тяжеловато. Я часто бывал у него в гостях, много трудился и сам, вдохновляясь рабочим настроением и строгим распорядком дня Александра Исаевича. Как раз там я закончил писать свою докторскую диссертацию о Мандельштаме.

мирующей культуре столетия вы ему отводите?

— Это поистине великое явление культуры наряду с Львом Толстым, Федором Достоевским. Но судьба у него совершенно особая. Она вмещает в себя несколько абсолютно разных жизней. И ведь ничего не предполагало этого сначала. Провинциальное детство в Ростове-на-Дону. Затем комсомол, советская молодость. Капитан-фронтовик. Зэк. Человек, умиравший от рака. Долгие годы полной неизвестности. Бурная слава. Преследования, притеснения. Теленок с дубом бодался и одолел-таки,

что Солженицын получил приглашение от Пиночета и ответил положительно. Этого не могло быть ни при какой погоде! Ни приглашения, ни ответа. Сплошная выдумка. Полагаю, над этим хорошо поработали некоторые спецслужбы. Когда Солженицын поехал в Вандею в 1993 году на открытие памятника жертвам Французской революции, а после той лжи насчет чилийского диктатора прошло лет 20, этот вопрос снова возник в одной социалистической газете. Там писали, что «друг Пиночета приезжает в Вандею». Выпады были жесткие.

Одновременно не будем забывать, что Солженицын — представитель русского религиозного духа. Его пророческий облик был чужд левов во всех отношениях, не только в политическом, американской интеллигенции. От него ей было как-то не по себе. И именно в США Солженицына то и дело подвергали нападкам слева. Кстати, и в России им были недовольны некоторые диссиденты, которые, казалось, должны были ему сочувствовать. Это понятно. Исключительная судьба, личность, которая вдохновляет подавляющее число думающих людей, заставляет поверить в человека вообще, у кого-то может вызвать зависть, раздражение по тем или иным причинам.

— А какова ваша, так сказать, профессиональная, литературо-педагогическая оценка Солженицына как писателя?

— Он — огромное литературное дарование. В первую очередь он — человек слова, написанного слова. Иногда его судьба, историческая политическая роль заслоняет творца, но объективно он очень большой писатель. Я даже считаю его самым выдающимся мировым литератором второй половины XX века. Не вижу, кого можно с ним поставить рядом.

— Удивительны языковые поиски Солженицына...

— Его даже упрекали за это, с одной стороны, а с другой — за то, что он — классик. Синявский, который его недолюбливал, говорил мне: «Это ваш Бальзак». Я ему, правда, отвечал, что меня это вполне удовлетворяет. Потому, что действительно у Солженицына есть размах бальзаковский. Возьмите «Красное колесо». Это трудно читать. Огромный масштаб. Кажется, что история тут одолевает лите-

ния в прозе, чем немного напоминает Тургенева. «Правая кисть», «Крестный ход» — это блестящие двухсторонние произведения. Словесный поиск есть и в «России в обвале», где введен еще более свободный подход к языку. Знаю, поскольку перевел вторую часть на французский. За первую не брался, потому что с ней не согласен. Считаю, что анализ положения в России слишком односторонний.

— Как в годы советской власти, Солженицын критически относится уже к нынешнему режиму...

— То, как происходит выход из коммунизма, далеко не всех может удовлетворить. У нас разные оценки положения не в смысле описательном. Ситуация действительно тяжелая. Сейчас много уродливых, карикатурных черт и в политической жизни, и в экономике. Желание помочь униженным и обездоленным, чьим голосом Солженицын хочет стать, вполне понятно. Поэтому он стремится писать так, чтобы тронуть совесть и предложить какие-то решения, с тем чтобы облегчить участь людей. Но путь к нормальной жизни, как и он сам предвидел, не может быть ни коротким, ни легким. Александр Исаевич говорил, что на это уйдут два столетия. Ято, как оптимист, считаю, что потребуется два или три десятилетия.

Что касается второй части «России в обвале», где речь идет о том, как быть русскими при американизации жизни, то здесь много споров, а изложено с большой тонкостью и болью. Переводя, я почувствовал, какой огромной внутренней энергией обладает этот 80-летний человек, и это чувствуется в словах, фразах. С момента прочтения «Ивана Денисовича» много лет назад я отношусь с огромным пietetом и восхищением к Солженицыну и никогда в нем не усомнился.

— Итак, для России Александр Исаевич — это жизнь по совести, моральный императив?

— Совесть, да. Но не обязательный как моральный императив, как призыв. Он — светлое, яркое, сильное явление очень большой совести, которое вознаграждает Россию за все то бессовестное, иногда и преступное, что было за минувшие десятилетия.

Беседу вел
Вячеслав ПРОКОФЬЕВ.
ПАРИЖ.